

FORMAT

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2 (2)

«Format: Юриспруденция»

Выпуск № 02 (02), 2019 (март, 2019).

Сайт: <https://www.orcacenter.ru/journals/format-jurisprudence.html>

Научный, научно-образовательный, междисциплинарный журнал с базовой специализацией в области юридических наук (12.00.00).

Журнал выпускается по материалам международной научно-практической конференции «Format: Юриспруденция».

За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

Учредитель и издатель: Научный центр «Орка», 644116, г. Омск, ул. Герцена, 65/1,

<https://www.orcacenter.ru>, info@orcacenter.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абдурахманов А.Х. Особенности уголовного процесса в законодательстве России XVIII-XIX веков	4
Бахтаров С. Х.-П. Проблемные аспекты частного обвинения	8
Бахтаров С. Х.-П. Проблема понимания свойств доказательств в уголовном судопроизводстве...	12
Тахаев У.В. Понятие и юридическая природа домашнего ареста как меры пресечения, гарантии обеспечения законности и его обоснованности	17
Тахаев У.В. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России	22

УДК 343.13

Особенности уголовного процесса в законодательстве России XVIII-XIX веков

Абдурахманов А.Х.

Чеченский государственный университет

Развитие права государства всегда обусловлено особенностями социально-экономической, политической, культурной ситуации в стране. Право отвечает потребностям государственного аппарата, позволяя наиболее действенным образом реагировать на запросы текущего времени. Уголовный процесс не является исключением из данного правила. В данной статье рассматривается эволюция уголовно-процессуального законодательства в условиях развития абсолютной монархии в России XVIII-XIX веков.

Ключевые слова: розыск, сыск, суд, процесс, уголовное судопроизводство.

В 1697 году произошло принятие Указа «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах».

В Указе 1697 г. было предписано: «Суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском» [1].

Принятый указ полностью заменил состязательный процесс на розыскной (инквизиционный) процесс. Главной характерной чертой данного института являлось то, что практически полностью отменив состязательность в уголовном судопроизводстве, произошла подмена института доказывания, в котором наибольшее значение придавалось признанию виновного в совершении преступления. Естественно, признание вины, как правило, достигалось за счет применения пыток, при которых человека зачастую заставляли оговаривать самого себя, признаваться в совершении преступлений, которые он на самом деле не совершал. Данный подход к решению проблемы нахождения истины в уголовном деле путем пыток, конечно, не мог обеспечивать привлечения к ответственности именно виновных лиц. Однако стремление властей бороться с преступностью часто опиралось и на принятие подобных мер, когда иные способы борьбы с преступностью были не столь эффективными. Конечно, речь идет о достаточно формальном подходе к оцениванию доказательств и проведению судебного процесса, однако таковы характерные признаки розыскного инквизиционного процесса [2].

Дальнейшая эволюция розыска получила логическое завершение в следующем столетии. В самом начале XVIII в. был ликвидирован Сыскной приказ [3], а подробная регламентация розыскного процесса была установлена в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г. [4, с. 408-425], ставшем частью Воинского устава 1716 г.

В качестве важного правового акта рассматриваемого времени также можно назвать и «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» 1715 года.

В Кратком изображении процессов и судебных тяжб 1715 года были закреплены следующие стадии уголовного судопроизводства:

- 1) Оповещение ответчика – ответ ответчика.
- 2) Начиная с момент получения ответа ответчика до вынесения приговора в рамках уголовного дела.

3) От вынесения приговора до непосредственного исполнения решения по уголовному делу.

В последующем, Указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» достаточно существенно поменял уголовное судопроизводство Воинского устава, восстановив состязательного процесса, а также расширив полномочия судьи при осуществлении судебного разбирательства.

В качестве первого этапа новой формы уголовного судопроизводства стало получение доноса – сообщения о совершении преступления конкретным лицом. В рамках уголовного судопроизводства обвиняемому предоставлялось право просить суд о приобщении к уголовному разбирательству дополнительных доказательств, которые могут свидетельствовать о его невиновности. Уголовное судопроизводство имело ярко выраженный состязательный характер, сторонам разрешалось проводить работу, направленную на доказывание собственной позиции по делу. Таким образом, стороны спорили, доказывая свою правоту, предоставляли необходимые доказательства. Судебное разбирательство проводилось поэтапно, каждый вопрос судебного процесса рассматривался отдельно, и только после рассмотрения одного вопроса, суд переходил к рассмотрению следующего. При этом сторонам предоставлялось право ходатайствовать в виде подачи челобитных по тем или иным вопросам судопроизводства.

В рассматриваемый период времени важное значение уделялось состязательному процессу, поскольку осознавалась значимость данного института, позволяющего достаточно эффективно установить истину по уголовному делу. Это объясняется самим характером проведения состязательного процесса, в рамках которого сторонам уголовного разбирательства предоставляется возможность по самостоятельному предоставлению доказательств, имеющих важное значение для уголовного дела.

Далее, уголовное судопроизводство времен Екатерины II имело определенные особенностями, обусловленные требованиями времени:

- уголовное судопроизводство начиналось по решению суда;
- присутствие истца, потерпевшего в уголовном судопроизводстве было необязательным;
- продолжилась практика применения пыток, что продолжило инквизиционные традиции судопроизводства в Российской Империи.

В период правления Екатерины Великой уголовное судопроизводство вновь практически утратило возможности влияния на ход уголовного разбирательства со стороны, например, потерпевшего. Тем не менее, определённые исключения из общего правила все-таки присутствовали.

Так, в качестве примера можно привести положения Манифеста о поединках от 21 апреля 1787 г., в котором рассматривались преступления, связанные с тяжким оскорблением лица. Уголовное разбирательство по данной категории дел начиналось при наличии жалобе потерпевшего и могло быть прекращено при примирении сторон. Таким образом, в речь шла только об одной разновидности преступлений, для которых в законодательстве того времени продолжали сохраняться частные начала уголовного разбирательства. Потерпевший был вправе самостоятельно возбуждать уголовное дело посредством обращения в соответствующие органы, а также прекращать уголовное разбирательство в результате примирения сторон. Конечно, речь идет о крайнем узком перечне уголовных дел, тем не менее, можно констатировать наличие частных начал в уголовном судопроизводстве рассматриваемого этапа.

Во времена правления Петра Первого и Екатерины Второй начался сложный и достаточно долгий процесс кодификация права Российского государства, который продолжался в течение первой половины XIX века. Конечным результатом

проведенной кодификации явилось принятие Свода законов Российской империи в 1832 году, в котором было сосредоточено все действующее законодательство страны со времен Соборного Уложения 1649 года.

Необходимо отметить, что само по себе принятие Свода законов Российской империи существенно не поменяло существующие нормы уголовного процесса.

В качестве преступления понималось «нарушение закона, через который происходит посягание на верховную власть, на права и безопасность общества или отдельных лиц» [5, С.400].

Указывая отличительные черты уголовного судопроизводства, можно отметить произошедшее слияние функций расследования и исполнения приговора в рамках единого органа власти, в роли которого выступила полиция. Это привело к тому, что полиция обладала функциями суда по незначительным уголовным делам. Сложившаяся ситуация свидетельствовала о том, что уголовный процесс в Российской Империи продолжал носить розыскной инквизиционный характер.

В рамках принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года произошло внесение определенных поправок в особенности осуществления уголовного процесса. В рамках данных изменений произошло расширения перечня преступлений, по которым потерпевший мог самостоятельно возбудить уголовное дело посредством подачи жалобы. Также Уложение предусматривало возможность завершения уголовного дела посредством примирения сторон, что свидетельствовало о расширении возможностей частного обвинения в данный период времени.

Уголовное преследование данного типа использовалось в следующих видах уголовных дел:

- 1) О неповиновении крестьян своим господам.
- 2) Об оскорблениях разных видов.
- 3) О распространении оскорбительных для чести какого-либо лица сочинений, изображений или слухов и так далее.

Указанные категории уголовный дел ясно дают понять, какое внимание уделялось государством вопросу повиновения институтам власти, насколько важным являлось регулирование пределов свободы слова в Российской Империи и так далее.

Рассматриваемый перечень свидетельствует о том, что круг преступлений, по которым возможно проведение частного обвинения, достаточно обширен.

Так, ст. 160 Уложения провозглашала правило, согласно которому наказание за совершенное преступление могло быть отменено в связи с примирением преступника с «обиженным», а в ст. 162 говорилось: «Если преступное деяние либо правонарушение подобного семейства, то что оные в основе законов никак не по другому имеют все шансы подлежать ведению и обсуждению судебного органа, равно как из-за претензии, оскорбленным либо обхамленным через в таком случае преступное действие индивидуальным личностью рожаемой, в таком случае вердикт о наказании виноватого откладывается, в случае если причинивший ламентацию свыкнется с виноватым в первую очередь выполнения вердикта».

В то же время, нужно отметить, что предусмотренное статьей 162 Уложения право сторон на примирение в отдельных случаях может быть и ограничено. Речь идет, например, о таких преступлениях как:

- 1) Оскорбление действием начальника подчиненным.
- 2) Отдельные случаи обольщения и изнасилования девушек или женщин.
- 3) Отдельные случаи незаконного вступления в брак и др.

Анализ нормативно-правовой базы 1-ой половины XIX века, позволяет сделать вывод о том, что в судопроизводстве по уголовным делам в тот период времени значительной ролью обладал розыскной (инквизиционный) процесс; но, в то же время,

в законодательстве присутствовали отдельные исключения из правил, так как существовали правила, при которых становилось возможным возбуждение уголовных дел по заявлению потерпевшего. Более того, было возможным примирение сторон, что является важной характеристикой института частного обвинения.

Таким образом, влияние на развитие следственного типа процесса оказал государственный строй того времени, времени крайнего развития абсолютизма, расширившегося до крайних пределов за счет индивидуальных прав и интересов отдельного человека. И следственная форма процесса была именно формой процесса, наиболее удовлетворяющей потребность такого государства [6, с. 45].

Сказанное выше позволяет отметить, что по результатам проведенного анализа института обвинения, можно констатировать крайне неоднозначную изменчивость уголовно-процессуального законодательства на протяжении длительного исторического этапа. Соотношение частного и публичного обвинения было изменчивым, как правило, речь шла о преобладании публичного характера обвинения, что объяснялось усилением государственной власти, необходимостью борьбы с преступлениями, а также усилением позиции суда в рамках уголовного разбирательства.

Впрочем, такой характер уголовного судопроизводства был свойственен для всех стран того времени, то есть речь идет об определенной исторической закономерности развития уголовно-процессуального законодательства, через которую проходит любое государство в рамках своего исторического развития.

Список литературы

1. Полное Собрание Законов Российской Империи - 1. Т. III. № 1572
 2. Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2013. – 144 с.
 3. Полное Собрание Законов Российской Империи - Т. VI. № 3933
 4. Российское законодательство X-XX веков. М., 1986. Т. 4
 5. Баранов А.М., Марфицин П.Г. Словарь основных уголовно - процессуальных понятий и терминов. - М., 2014.
 6. Чистяков О.И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского, Т.Е. Новицкой. М.: Юридическая литература, 1997
- © А.Х. Абдурахманов, 2019

УДК 343.1

Проблемные аспекты частного обвинения

Бахтаров С. Х.-П.

Чеченский государственный университет

В статье рассмотрен процессуальный порядок начала производства по уголовному делу частного обвинения; приводятся аргументы, обуславливающие несовершенство процессуальных правил начала производства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения и необходимость их реформирования.

Ключевые слова: начало производства по уголовному делу, частное обвинение, мировой судья, потерпевший, право на доступ к правосудию.

К уголовным делам частного обвинения статья 20 Уголовно-процессуального кодекса относит дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ч. 1 ст. 116 (побои). Ранее к числу таких преступлений относилось также деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 128.1 (клевета), однако после проведения декриминализации и перевода клеветы в разряд административных правонарушений, данное преступление перестало быть таковым.

В случае установления признаков преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, когда заявитель самостоятельно может отстаивать свои права и законные интересы, необходимо разъяснить ему порядок обращения в мировой суд с соответствующим заявлением. Материалы проверки с заявлением о преступлении направляются в мировой суд по подсудности [1]. При этом решение об отказе в возбуждении уголовного дела не принимается [2].

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что в перечень уголовных дел, по которым возможно производство расследования в рамках частного обвинения, достаточно ограничен. Речь идет о преступлениях, расследование которых не требует проведения большого числа следственных действий, а процесс доказывания, как правило, происходит посредством дачи устных показаний потерпевшим, обвиняемым и свидетелями.

В то же время речь идет о делах, в которых возможно примирение сторон, что объясняет ограниченность их количества. Именно этим и объясняется их ограниченное количество, так как иные преступления несут более высокую общественную опасность, что, по мнению законодателя, делает невозможным их включение в число дел частного обвинения. По моему мнению, было бы логичным расширить перечень уголовных дел, по которым возможно рассмотрение дел в порядке частного обвинения. Данное решение способствовало бы существенной разгрузке в работе правоохранительных органов и судебной системы, а также увеличить количество примирений, когда стороны по делу достигали бы обоюдного согласия относительно возмещения вреда, нанесенного преступлением.

В современных научных публикациях сформировалось, в принципе, единое мнение относительно основной группы оснований для выделения преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения [3].

Анализ оснований, которые классифицированы в труде М.В. Соболева, дают возможность сказать, что в настоящее время частное обвинение в уголовном процессе России имеет ряд существенных недостатков. Рассмотрим далее ряд из них.

В числе оснований, которые позволяют выделить уголовные дела частного обвинения в можно назвать их меньшую тяжесть по сравнению с другими

преступлениями, предусмотренными Особенной частью Уголовным кодексом РФ (УК РФ).

Вместе с тем, нужно отметить, что в Особенной части УК РФ содержится обширный перечень преступлений небольшой тяжести, однако данные преступления не включены в число дел, рассматриваемых в рамках частного обвинения. Таким образом, можно отметить, что сама по себе общественная опасность преступления не может выступать в качестве центрального критерия отнесения того или иного преступления к перечню дел, которые можно было бы рассматривать в рамках частного обвинения. Данное положение достаточно спорно, поскольку речь идет о субъективности восприятия каждым человеком того или иного преступления. В самом деле, побои для кого-то обладают большей тяжестью, чем, например, краже в небольших размерах. Однако на практике, в рамках уголовного судопроизводства, существуют определенные ограничения, которые не могут быть изменены из-за субъективности восприятия того или иного деяния отдельными лицами.

Следующим критерием классификации является объект преступления, на которое направлено преступление. Тем не менее, из того небольшого числа преступлений, которые относились к категории преступлений частного обвинения, в настоящее время декриминализованы такие как оскорбление и клевета. На мой взгляд, это достаточно справедливое решение, которое позволило существенно разгрузить правоохранительную систему, при этом, конечно, сократило пределы применения частного обвинения.

В то же время достаточно странным является то, что одни преступления, которые нарушают права граждан, например, побои, признаются в качестве преступлений частного обвинения, а другие, например, кража, не признаются в качестве таковых.

Однако, по мнению сторонников сокращения пределов действия частного обвинения, суть данного подхода заключается в том, что граждане часто готовы идти на мировую, не доводя дело до непосредственного судебного разбирательства. Это происходит в силу множества причин, но с точки зрения защиты общественных интересов данная модель поведения не всегда является допустимой, поскольку это может привести к тому, что зачастую преступники будут пользоваться таким отношением со стороны потерпевших и повторно совершать преступления, избегая при этом уголовной ответственности.

Ю.А. Анишина, исследуя проблему определения беспомощного состояния потерпевшего при производстве по делам частного и частно-публичного обвинения с позиции теории уголовного и уголовно-процессуального права, пришла к выводу, что к таким лицам следует относить:

- 1) лицо, которое в силу психических или физических недостатков признано судом в порядке гражданского судопроизводства недееспособным;
- 2) лицо, страдающее тяжелыми психическими заболеваниями и состоящее на учете в психиатрических медицинских учреждениях;
- 3) лицо с физическими недостатками, обуславливающими неспособность защищать свои права и законные интересы или неспособность самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами (инвалиды I и II групп, немые, глухие, слепые);
- 4) малолетнее лицо;
- 5) престарелое лицо;
- 6) беременную женщину;
- 7) лицо, являющееся неграмотным или страдающее речевыми расстройствами [4, С. 39-40].

Так, А.И. Петрушин указывает, что «критического отношения также заслуживает практика возвращения заявлений потерпевшим в связи с отсутствием указаний на наименование суда, в который оно подается. Думается, что законодательное установление данного реквизита для заявления потерпевшего продиктовано скорее обычаями, но не интересами правосудия. Данное положение делает бессмысленной норму п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, согласно которой одним из решений, принимаемых по результатам предварительной проверки, является передача сообщения мировому судье. Очевидно, что передаваемое заявление адресовано органам предварительного расследования и заведомо будет возвращено для исправления» [5].

Также потерпевшие часто заинтересованы в том, что не предавать факт совершения преступления в отношении них публичной огласке. Соответственно, при расширении пределов действия института частного обвинения, такая ситуация могла бы привести к повышению уровня латентности преступлений в стране, что является абсолютно недопустимым.

Такая позиция не является бесспорной, поскольку побои также имеют существенное значение как преступление, поскольку, начинаясь в виде легких побоев, в последующем они могут перерасти в более тяжкие преступления, так как отсутствие наказания может развить в человеке чувство безнаказанности и вседозволенности. Речь идет о психологии поведения отдельных лиц, которые не всегда осознают и принимают правила поведения, которые действуют в обществе.

В качестве еще одной особенности дел частного обвинения указывают на то, что они затрагивают специфический круг отношений: это отношения между членами семьи, родственниками, знакомыми, соседями по квартире, сослуживцами [6, С. 40-46].

Вместе с тем, данные специфические признаки нельзя рассматривать в качестве основания признания преступлений как деяний, которые должны рассматриваться в ходе частного обвинения. Данная позиция является ошибочной.

Вместе с тем, обращая внимание на то, что данные преступления посягают на охраняемые Конституцией РФ права человека, было бы неправильным утверждать, что данная категория преступлений «в наименьшей степени затрагивает интересы государства». В частности, отнесение ряда преступлений к категории дел частного обвинения привело к увеличению насилия в семье, поскольку супруги, как правило, стараются не обращаться в правоохранительные органы для того, чтобы не отправлять члена семьи в места лишения свободы.

Таким образом, в данной ситуации речь идет о том, что расширение пределов действия института частного обвинения может привести к необоснованному увеличению возможностей для преступника избежать ответственность по уголовному делу, что, в свою очередь, может породить у такого лица чувство безнаказанности и вседозволенности, соответственно, к последующему рецидиву со стороны такого человека. В данной ситуации речь идет не только о праве потерпевшего примириться с преступником, но и о праве государства защитить как свои, так и интересы общества, поскольку примирение с потерпевшим не подразумевает того, что преступник не совершит преступления в отношении иного лица.

В связи с этим, отдельные ученые придерживаются мнения о том, что институт частного обвинения можно было бы полностью отменить, что, по их мнению, будет более эффективной защите интересов общества и государства, исключая возможность злоупотребления отдельными лицами возможности примирения с потерпевшим и освобождения от уголовной ответственности.

Необходимо также отметить, что данная позиция, помимо прочего, основывается на том, что, по мнению исследователей, профессиональный юрист в лице дознавателя, следователя, прокурора или судьи будет гораздо лучше способствовать достижению

целей уголовного разбирательства, чем лицо, не обладающее специальными юридическими познаниями.

На мой взгляд, такая позиция является не совсем верной, так как преступники отличаются друг от друга, кто-то совершает преступление в результате стечения обстоятельств, в силу острой нужды и так далее, соответственно, правильным будет считать, что кто-то из них имеет право на второй шанс без привлечения к уголовной ответственности. Моя позиция в этом вопросе основывается на том, что уголовная ответственность, даже в виде условного наказания, влечет за собой судимость, которая зачастую ограничивает человеку возможность по ресоциализации в обществе. Вместе с тем, нельзя отрицать и того обстоятельства, что некоторые преступники не будут воспринимать освобождение от уголовной ответственности как шанс на исправление.

В связи с этим нужно отметить, что целесообразным по данной категории дел могло бы стать ограничение перечня наказания, применяемых по данным категориям дел таким образом, чтобы, например, члены семьи могли принимать участие при определении меры наказания. Такое предложение было бы особенно актуальным, когда члены семьи хотят возвращения лица, совершившего подобное деяние, однако с применением мер исправительного характера, не влекущих уголовной судимости.

Вместе с тем, наличие института частного обвинения служит одним из элементов, обеспечивающих демократичности уголовного процесса. Институт частного обвинения предоставляет возможность потерпевшему лицу самостоятельно решать вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности либо разрешении конфликта в досудебном порядке. Представляется, что данный способ разрешения конфликта является более эффективным, более того, это позволяет решить так же ряд иных целей, стоящих перед органами государственной власти, а именно: снижение уровня преступности, исправление лица, снижение нагрузки на правоохранительные органы.

Список литературы

1. Анишина Ю.А. Определение беспомощности состояния потерпевшего при производстве по делам частного и частно-публичного обвинения // Уголовный процесс. 2012. N 6.
2. Анишина Ю.А. Рассмотрение заявлений о преступлениях, отнесенных к делам частного обвинения // Уголовный процесс. 2013. N 9.
3. Соболев М.В. Дела частного обвинения и критерии их выделения в особую группу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 8§.
4. Анишина Ю.А. Определение беспомощности состояния потерпевшего при производстве по делам частного и частно-публичного обвинения // Уголовный процесс. 2012. N 6.
5. Волторнист О.А., Забуга Е.Е. Критерии определения зависимого и беспомощного состояния при решении вопроса о возбуждении уголовного дела частного (частно-публичного) обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ // Законодательство и практика. 2014. N 2.
6. Хатуаева В.В. Особенности возбуждения уголовного дела частного обвинения // Государство и право. 2007. № 4. С.40-46.

© С.Х.-П. Бахтаров, 2019

УДК 343.14

Проблема понимания свойств доказательств в уголовном судопроизводстве

Бахтаров С. Х.-П.

Чеченский государственный университет

Статья посвящена вопросу понимания свойств доказательств в уголовном судопроизводстве: относимости, допустимости, а также определению сущности термина «юридическая сила доказательств» как свойства доказательства и делается вывод о важном значении этого термина для процесса доказывания наряду с допустимостью доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательство, судопроизводство.

В качестве доказательств по уголовному делу признаются сведения, данные, иная информация, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в соответствии с требованиями действующего законодательства, может установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Доказательствами по уголовному делу являются:

- показания по обстоятельствам уголовного дела подозреваемого, обвиняемого;
- заключение и показания по обстоятельствам уголовного дела эксперта;
- показания по обстоятельствам уголовного дела потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания по обстоятельствам уголовного дела специалиста;
- протоколы следственных и судебных действий;
- вещественные доказательства различного характера;
- иные документы.

Говоря об определении доказательств, которое содержится в современном уголовно-процессуальном законодательстве, хотелось бы отметить, что в УПК РСФСР в качестве доказательств рассматривались «любые фактические данные». Это подразумевало, что понятие «фактические данные» предполагает, что речь идет о данных по уголовному делу, достоверность которых является уже установленным фактом. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве слова «фактические данные» были изменены на «сведения». Таким образом, подразумевается, что речь идет не только о данных, достоверность которых не вызывает сомнений, но и о любых иных сведениях в рамках уголовного дела, достоверность которых будет проверяться в течение всего уголовного судопроизводства как на стадии предварительного расследования, так и непосредственно в рамках судебных заседаний с участием всех сторон по уголовному делу. И именно понимание относимости и допустимости доказательств как правовых требований, предъявляемых к их содержанию и форме, и ориентирует правоприменителей на их учет тогда, когда доказательства еще только формируются, а не тогда, когда они уже сформированы, по справедливому и обоснованному уточнению Е.А. Доли[1].

Сторонники понимания относимости и допустимости как свойств доказательств вольно или невольно, но фактически исходят из существования доказательств в готовом виде[2].

Рассмотрим далее более подробно отдельные виды доказательств, которые применяются в процессе доказывания по уголовному делу.

Заключение специалиста – представляет собой составленный в соответствии с требованиями закона документа, в котором специалист выражает свою профессиональную точку зрения по вопросам, требующим специфических знаний. Например, речь может идти о вопросах из сфер науки, искусства, ремесла, медицины, спорта и иных областей, где требуются определённые специальные познания. Специалистом излагаются свои суждения относительно поставленных перед ним вопросов, более того, специалистом могут быть изложены взгляды относительно и других вопросов, которые перед ним поставлены не были, однако имеют значение в рамках данной уголовного дела.

Специалиста, следователь (дознатель и другие) по собственной инициативе либо, например, по ходатайству одной из сторон вправе допросить как после дачи им заключения, так и до (вместо) этого [3].

Характерными чертами заключения специалиста как самостоятельного вида доказывания можно назвать следующие:

1) показания специалиста - это устная речь участника уголовного судопроизводства, которое обладает специальными знаниями. Специалист привлекается к участию в процессуальных действиях, а также для совершения действий, направленных на обнаружение, исследование, изъятие доказательств по уголовному делу;

2) содержание показаний - сведения, об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъясняющие его мнение, высказанное в составленном им заключении специалиста;

3) специалист дает показания только в рамках проведения допроса.

В новом УПК существенно расширены условия, которые делают собранные органами расследования или представленные сторонами доказательства недопустимыми. В нем приводятся правила, конкретизирующие конституционный запрет «использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона» (ч. ст. Конституции РФ).

Показания по обстоятельствам уголовного дела обвиняемого или потерпевшего – это устная либо письменная дача показаний об обстоятельствах уголовного дела данными участниками уголовного судопроизводства. Важным обстоятельством является то, что обвиняемый, несмотря на свой процессуальный статус, обладает конституционным правом на хранение молчания и отказа от дачи показаний против самого себя. Данное обстоятельство не влечет за собой применения более сурового наказания в отношении лица, если оно в последующем будет признано виновным, однако сотрудничество обвиняемого с органами следствия и судом может помочь виновному в получении определенного снисхождения со стороны суда в виде более мягкого приговора.

Показания даются обвиняемым, потерпевшим устно или письменно, с участием защитники. Все информация о ходе проведения допроса фиксируется в протоколе для последующего подтверждения информации в рамках судебного разбирательства.

Участники уголовного судопроизводства могут менять свои показания в течение всего времени уголовного судопроизводства, в данной ситуации суд оценивает достоверность предоставленных показаний в совокупности с иными доказательствами, собранными по данному делу. Вместе с тем, показания, которые были получены с нарушением требований уголовно-процессуального доказательства (например, пытки, физическое или психологическое давление и так далее) могут быть признаны недопустимыми и утрачивают свое процессуальное значение.

Вещественные доказательства представляют собой большой объем различных предметов, веществ, иных объектов, которые содержат следы совершения преступления, прямые или косвенные. Правила обращения с вещественными доказательствами зафиксированы не только в УПК РФ, но в ряде иных нормативно-правовых актов, устанавливающих порядок изъятия, исследования и хранения данного вида доказательств по уголовному делу.

Причины известности подтверждений ориентированы в таком случае, для того чтобы соблюдались потребованные принципы, никак не изготавливались следственные воздействия, какие порождают колебания в правдивости приобретенных данных по причине извлечения их с использованием опасностей, принуждения, иных, не разрешенных методов, либо исключаяющих вероятность контроля правдивости данных. К признанию подтверждений непозволительными приводят кроме того и другие патологии закона. К ним принадлежат приобретение подтверждений никак не этим личностью, что в данное уполномочено, нарушение законов выполнения следственного либо тяжёбного воздействия. С целью абсолютного изъятия непозволительных подтверждений в УПК РФ детально показаны причины, требование и процедура выполнения следственных операций, нацеленных в сбор и контроль подтверждений, и фиксирование побейка и итогов данных следственных операций в протоколах. Данному предназначаются и введенные в УПК РФ фигуры процессуальных бумаг.

Так, УПК РСФСР 1960 г. в ч. 3 ст. 69 содержал положение, в соответствии с которым доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, установленных Кодексом[4]. Аналогичное положение содержится в действующем УПК РФ в ст. 75. Кроме того, этот термин применяется в ст. 455 УПК РФ: в ее названии - «Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства»[5]

В взаимосвязи с пригнанными аргументами, разъясняющими сущность и роль уголовно-процессуального законодательства, появляется проблема о способности судебного органа применять прочие подтверждения, приобретенные в базе данных, доложенных осуждаемым в допросе, в недостаток защитника (точно также, как и в вариантах, если некто никак не был определен в популярность о его льготе, существующей в Конституции РФ). К примеру, присутствие допросе в недостаток защитника подозреваемый принял собственную виноватую и показал роль, в каком месте скрыты украденные предмета. Присутствие контролю свидетельств в участке предмета существовали выявлены, изъяты и приобщены к процессу в свойстве материальных подтверждений. В тяжёбном заседании подозреваемый значительно поменял собственные сведения, сведения в недостаток защитника, и таким образом, сведения его в подготовительном следствии никак не имеют все шансы являться объявлены. Появляется проблема, утрачивают единица доказательственную роль акт контроля свидетельств в участке и материальные подтверждения, какие далее были выявлены? По мнению П.А. Лупинской: «Если исходить из того обстоятельства, что показания обвиняемого, которые были даны без присутствия его защитника, недопустимы, в данной ситуации подобного рода показания ставят под определенное сомнение добровольность таковых, что, таким образом, дает основание полагать, что обвиняемый давал такие показания против самого себя под давлением и, указывая, например, место, в котором были схоронены украденные вещи. Следовательно, в качестве недопустимого следует признать и протокол проверки показаний на месте, а также обнаруженные вещественные доказательства» [6].

Из содержания норм уголовно-процессуального законодательства можно сделать вывод о том, что в ситуациях, когда судья в ходе предварительного слушания вынес

решение об исключении доказательства, то в это же время в соответствующем решении требуется указать, какие материалы уголовного дела, которые обосновывают исключение того или иного доказательства по рассматриваемому уголовному делу, не могут быть в последующем использованы и оглашены в ходе судебного разбирательства, а также использоваться в рамках доказывания.

Существование подобных правил позволяет защитить права подозреваемого, обвиняемого со стороны органов предварительного расследования, которые в противном случае могли бы использовать отдельные положения законодательства для использования по делу доказательств, имеющих сомнительное происхождение.

Возлагая на сотрудников правоохранительных органов обязанность по расследованию уголовного дела, УПК РФ одновременно четко определяет правовые рамки, в пределах которых должен действовать дознаватель и следователь в ходе сбора доказательств по уголовному делу. Это необходимо для, во-первых, защиты интересов, прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемого и потерпевшего, во-вторых, для облегчения работы органов прокуратуры и суда при последующей проверке и оценке представленных доказательств.

Относительно категории «юридическая сила доказательств» в системе отечественного уголовного судопроизводства мы считаем верным и обоснованным суждение В. Будникова о том, что под этим следует понимать свойство совокупности взаимно проверенных доказательств, когда каждое доказательство является полноценным с точки зрения требований закона об относимости, допустимости и достоверности.[7]

В рамках доказывания также признается необходимым выявление обстоятельств, которые тем или иным образом способствовали совершению преступления.

Совокупность обстоятельств, которые необходимо установить в рамках уголовного дела, как видно из вышеуказанного перечня, достаточно обширен, что, в свою очередь, требует от следователя и дознавателя проведения широкого перечня следственных действий. В числе таковых можно назвать: допрос, обыск, очная ставка, следственный осмотр, исследование предметов, следов, документов, проведение судебных экспертиз.

Как было отмечено ранее, современное уголовно-процессуальное законодательство России более четко и детально регламентирует вопросы доказательственного процесса в уголовном судопроизводстве, данный подход отличается от той декларативной формулы, которая действовала в уголовном процессе РСФСР. Благодаря этому сотрудники правоохранительных органов при проведении следственных мероприятий обладают необходимыми предписаниями по совершению определенных следственных действий с учетом конкретного уголовного дела. Большое видовое разнообразие доказательств, которые могут быть обнаружены в рамках уголовного дела, требуют от следователя и дознавателя проведения комплексной работы, направленной на обнаружение, оценку и фиксацию доказательств. При этом оценка доказательств, осуществляемая сотрудниками предварительного расследования, представляет собой только промежуточный этап, так как наиболее полную и всестороннюю оценку представленным доказательством дает суд путем соответствующей правовой оценки.

Список литературы

1. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009. С.78.
2. Доля Е.А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. №10. С. 65–70.
3. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. - М.: Высшее образование, 2009. - 344 с..
4. Лавдаренко Л.И. Уголовное судопроизводство в аспекте проблемы соотношения власти и свободы // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12. С. 191–198.
5. Лавдаренко Л.И., Амосова Т.В. Проблема обоснования юридической силы доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. №8. С. 3–7.
6. Уголовно процессуальный Кодекс Российской Федерации/по сост. на 1 марта 2019 г. – М.:ОМЕГА-Л, 2019 г..
7. Марецкий Н.Е. Условия развития состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. №11. С. 25–26.

© С.Х.-П. Бахтаров, 2019

УДК 343.13

Понятие и юридическая природа домашнего ареста как меры пресечения, гарантии обеспечения законности и его обоснованности

Тахаев У.В.

Чеченский государственный университет

В данной статье домашний арест рассматривается не только как мера пресечения в качестве самостоятельной меры уголовно-процессуального пресечения, но также в качестве одной из разновидностей уголовного наказания, так как его преимущества как самостоятельного вида наказания достаточно очевидны.

Ключевые слова: домашний арест, мера процессуального принуждения, личность, суд, свобода.

Конституция России в части 3 статьи 55, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, которые регулируют вопросы, связанные с положением личности в рамках уголовного процесса, устанавливают запрет относительно произвольного применения действий, которые ограничивают права на свободу и личную неприкосновенность.

Свобода признается одним из основных прав человека и гражданина, гарантируется международным правом и нормами демократического правового государства. Россия, будучи правовым демократическим государством, берет на себя обязательства по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая их посредством применения развитого правового механизма, обладающего необходимыми гарантиями защиты. Свобода – центральный элемент правового статуса индивида, подобное положение обязывает государство в лице его правоохранительных органов и должностных лиц выполнять весь комплекс действий, направленный на обеспечение гарантий такой защиты.

Для того, чтобы порядок применения механизма мер пресечения не привел, в свою очередь, к нарушению прав человека и гражданина, данный механизм требуется применять только при тех обстоятельствах, когда имеется совокупность достаточных оснований, а применяемые меры соответствуют тяжести совершенного лицом деяния. Следует отметить, что в качестве наиболее распространенной следственной ошибки, которая связана с нарушением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность человека, и гражданина, можно назвать отсутствие достаточных правовых оснований, которые необходимы правоохранительным органам для избрания и применения мер пресечения [1].

В качестве одной из мер пресечения, использование которой становится в последнее время все более распространенным в России, является домашний арест.

Данная мера пресечения является достаточно распространенной в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, так как домашний арест позволяет эффективно обеспечивать выполнение целей уголовно-процессуального пресечения без существенной нагрузки на деятельность правоохранительных органов. К тому же, рассматриваемая мера пресечения также оказывает позитивное влияние на подозреваемого и обвиняемого, поскольку дает возможность человеку, чья вина еще не доказана, находится в привычных условиях, не подвергая его достаточно серьезной психологической травме. Также речь идет о том, что данная мера не менее эффективно,

чем иные, позволяет ограничить человека, подозреваемого в совершении преступления, от попыток совершения каких-либо действий, которые могут негативным образом повлиять на ход уголовного разбирательства.

Нужно отметить, что домашний арест достаточно активно применяется во многих развитых странах мира, в частности, в Германии, США, Канаде. Нарботанный позитивный опыт свидетельствует о том, что домашний арест обладает достаточно хорошими перспективами по применению как в России, так и других странах.

Домашний арест выступает в качестве новеллы уголовно-процессуального законодательства России, что объясняет наличие некоторых недостатков правового урегулирования данной меры в российском законодательстве. Об этом также свидетельствует и то, даже в сфере научных исследований существуют определенные разночтения и споры относительно правового статуса отдельных элементов домашнего ареста как самостоятельной меры уголовно-процессуального пресечения. Наличие подобных противоречий оказывает негативное воздействие на практике применения данной меры, так как возникают определённые сложности при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения по тому или иному уголовному делу. Сложившаяся ситуация требует принятия определенных изменений в действующее законодательстве, что могло бы поспособствовать более эффективному применению данной меры.

Высокой распространенности его применения не способствовали имевшиеся в тот период времени слабые возможности контроля за соблюдением обвиняемым условий домашнего ареста. На это обращали внимание российские ученые-процессуалисты [2, с. 324-341; 2, с. 372; 3, с. 314].

В качестве оснований, которые требуются для избрания меры пресечения, можно назвать совокупность данных, которые указывают на следующее:

- причастность гражданина к совершению уголовно-наказуемого деяния;
- возможное противозаконное поведение подозреваемого (статья 91 Уголовно-процессуального кодекса);
- обстоятельства, которые требуется учитывать для избрания меры пресечения (статья 99 Уголовно-процессуального кодекса).

Рассмотрим далее каждый из данных элементов более подробно.

Причастность гражданина к совершению уголовно-наказуемого деяния – данный элемент содержит сведения о том, что конкретное лицо причастно к совершению преступления. Естественно, речь не идет о том, что избрание домашнего ареста свидетельствует о подтверждении вины лица, однако имеющиеся данные дают основания полагать о виновности конкретного лица, соответственно, требуется применение данной меры. Соблюдение данного правила носит весьма существенное значение, так как законность избрания меры пресечения тесно взаимосвязано с законностью привлечения лица в качестве обвиняемого в рамках уголовного дела [3, С. 155].

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время в юриспруденции проблема соотношения фактических данных, которые являются необходимыми в целях избрания мер пресечения разрешается неоднозначно, поскольку решение вопроса о соотношении сведений виновности лиц происходит по-разному. Естественно, данное положение обусловлено, с одной стороны, тем, что уголовные дела даже по одной статье Уголовного кодекса достаточно сильно отличаются друг от друга содержанием многих деталей, но, с другой стороны, применение конкретной меры уголовно-процессуального пресечения требует применения определенных правил, которые могли бы обеспечивать некоторое единообразие при назначении домашнего ареста. Сложность уголовных дел зачастую вызывает сложность при избрании той или иной меры пресечения, однако это не отменяет необходимость выработки единой судебной

практики, которая могла бы позволить судьям и правоохранительным органам решать данный вопрос по единому стандарту.

Рассмотрим некоторые дискуссионные вопросы, возникающие относительно применения домашнего ареста.

Позиция отдельных ученых заключается в том, что назначение домашнего ареста как самостоятельного судебного решения происходит благодаря наличию в распоряжении суда достаточного объема доказательств, которые свидетельствуют о виновности лица в совершении преступления. Вместе с тем, назначению домашнего ареста должна предшествовать проверка доказательства, которая подтверждает обоснованность привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу. Проверка доказательств является важным условием, позволяющим проанализировать совокупность имеющихся сведений, которые могли бы подтвердить необходимость назначения домашнего ареста как меры пресечения в рамках уголовного разбирательства.

В научной литературе высказаны мнения о том, что современный уровень развития электронных технологий не позволяет проконтролировать полное исполнение запрета, особенно в части использования средств связи и сети Интернет [4, с. 34-41; 18, с. 126-128].

Следовательно, незаконное и необоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого влечет за собой и незаконное применение меры пресечения [5].

Можно отметить, что схожей позиции придерживались и ученые середины XX века. В этой связи можно, например, отметить, что по мнению П.М. Давыдова и П.П. Якимова, общим основанием для избрания той или иной меры пресечения является наличие обвинения. Обвинение – это центральный элемент, который свидетельствует о необходимости таких мер, а степень тяжести обвинения позволяет решить вопрос о том, какая именно мера пресечения должна быть назначена в конкретной ситуации. Данный подход к разрешению данной проблемы был достаточно популярен в рассматриваемое время, однако не бесспорным, так как подходов к разрешению данного вопроса было достаточно много.

Другая точка зрения заключается в том, что суду вовсе не требуется анализировать совокупность данных, свидетельствующих о виновности или невиновности лица. Мнение ученых, придерживающихся данной позиции, заключается в том, что достаточным является наличие признаков, являющихся необходимыми для назначения лицу мер уголовно-процессуального пресечения. То есть речь идет о формальном отношении к совокупности признаков, имеющихся в рамках уголовного дела, их анализе в судебном разбирательстве.

Анализ двух точек зрения не дает возможности сделать однозначный вывод о том, какая из них является наиболее верной и правильной с точки зрения эффективности и адекватности применения в отношении обвиняемого. Выбор конкретной позиции возможен только посредством проведения глубокой аналитической работы, исследования позитивных и отрицательных моментов в той и другой позициях.

Практика избрания судами мер уголовно-процессуального пресечения в рамках схожих уголовных дел свидетельствует о том, что суды по данному разрешают данный вопрос. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что назначение домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения имеет разных подходы. Поэтому, как правило, судьи, руководствуясь во многом внутренним убеждением при избрании меры пресечения, разным образом принимают к сведению те сведения, которые имеются в наличии. Некоторые судьи делают больший акцент на наличие совокупности доказательств, свидетельствующих о высокой вероятности виновности лица. Такой подход позволяет им более точно и адекватно избрать меру пресечения в

зависимости от степени вины обвиняемого и тяжести совершенного им деяния. Другая группа судей основывается на позиции, согласно которой главной значение при избрании меры пресечению имеют формальные признаки, дающие судьям основание по избранию конкретной меры уголовно-процессуального пресечения.

Далее важное значение при избрании мер уголовно-процессуального пресечения имеет группа сведений, которая указывает на возможное противозаконное поведение лица, выступающего в рамках уголовного разбирательства в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Указанные сведения являются общими для всех мер пресечения, они достаточно подробно рассматриваются во многих литературных источниках, соответственно, не вызывают большого числа споров по поводу их применения. Тем не менее, потребности уголовно-процессуального разбирательства обусловили необходимость создания отдельного решения Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (п. 14). В данном документе указываются обстоятельства, которые дают суду основания по назначению той или иной меры уголовно-процессуального пресечения.

Речь идет о тех обстоятельствах, которые свидетельствуют о том, что обвиняемый при отсутствии назначенной меры уголовно-процессуального пресечения может повлиять на ход уголовного разбирательства. Это, возможно, например, путем оказания давления на свидетелей, иных участников уголовного дела, сокрытия улик и иных сведений, имеющих важное значение для доказывания и так далее. Соответственно, данные действия могут существенно затруднить работы органов предварительного расследования и суда, поставить ход следствия в тупик и, в конечном итоге, способствовать избеганию виновным уголовной ответственности. Данное обстоятельство вообще позволяет понимать, почему в принципе требуется назначение меры уголовно-процессуального пресечения даже в отношении лиц, виновность которых еще не доказана. Отсутствие данного инструмента могло бы существенно затруднить работу органов предварительного расследования и суда, снизить эффективность расследования уголовных дел и так далее.

Далее следует последняя группа сведений, которая указывает на те обстоятельства, которые учитываются при избрании меры пресечения.

Речь идет об обстоятельствах, предусмотренных статьей 99 УПК РФ, от наличия или отсутствия которых зависит назначение домашнего ареста как самостоятельной меры уголовно-процессуального пресечения.

Данная статья предусматривает, что избрание меры пресечения зависит не только от тяжести и характера совершенного преступления. Судом также должны учитываться обстоятельства, которые характеризуют обвиняемого как индивида: возраст, семейное положение, состояние здоровья, место работы, и иных характеристики, которые позволяют сформировать социальный портрет обвиняемого. Рассматриваемые обстоятельства, в совокупности с иными группами сведений, дают возможность суду избрать наиболее эффективную меру пресечения, которая, с одной стороны, соответствовала бы потребностям расследования, а с другой – в максимально полной мере защитить правовой статус обвиняемого от применения избыточных в его случае мер процессуального воздействия.

Домашний арест как меру уголовно-процессуального пресечения можно признать в качестве относительно мягкой, поскольку она позволяет обвиняемого находится в привычных условиях, но, вместе с тем, возлагает на него определённые ограничения, несоблюдение которых может привести к назначению судом более строгих мер пресечения, предусматривающих, как правило, содержания обвиняемого в

специальных государственных учреждениях, например, при арест, который может периодически продлеваться в зависимости от хода разбирательства.

Положения ст. 107 УПК РФ нуждаются в совершенствовании в части определения оснований для изменения домашнего ареста на заключение под стражу. К таким основаниям необходимо отнести: систематическое (совершенное более двух раз) нарушение возложенных на обвиняемого (подозреваемого) ограничений; поступившую следователю жалобу от лица, общение с которым обвиняемому (подозреваемому) запрещено, из которой следует, что на указанное лицо оказывалось давление; а также зафиксированное нарушением обвиняемым (подозреваемым) общественного порядка, за совершение которого к нему было применено административное наказание (например, нарушение покоя граждан в ночное время) [6].

Существенное значение имеет определение круга лиц, к которым может приоритетно применяться домашний арест. В литературе высказаны предложения об отнесении к нему инвалидов, несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих несовершеннолетних детей [19, с. 8; 20, с. 10].

Применение данной меры наиболее полезным является в той ситуации, когда речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также когда речь идет о несовершеннолетних как самостоятельной категории обвиняемых, требующих особого подхода как со стороны органов предварительного расследования, так и суда.

Список литературы

1. Иванов В. Д. Уголовное право / В. Д. Иванов. М.: Изд-во Приор, 2011. 420 с..
2. Демина И.В. Домашний арест как мера пресечения, альтернативная содержанию под стражей // Экономика, право, менеджмент: сб. тр. молодых исследователей Байкальского государственного университета. 2014. N 1. URL: <http://izdatelstvo.isea.ru/epm/search.aspx> (дата обращения: 13 марта 2019 г.).
3. Рагулина А. В. Понятие мер пресечения, основания и порядок их применения //Труды филиала МГЮА. 2016. № 1.
4. Гарипова Р.А. Меры пресечения: закон и практика // Символ науки. 2016. N 1.
5. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2014.
6. Колесников Михаил Владимирович. «Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста» Актуальные проблемы экономики и права, по. 2 (34), 2015.
7. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2014.

© У.В. Тахаев, 2019

УДК 343.1

Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России

Тахаев У.В.

Чеченский государственный университет

В данной статье рассматриваются отдельные исторические этапы формирования и развития органов предварительного следствия в отечественной истории, анализируется деятельность отдельных органов, их полномочия и функции.

Ключевые слова: предварительное следствие, дознание, следователь, сыск, суд.

Проблемы организации и устройства следственной деятельности всегда являлись предметом большого внимания со стороны научного сообщества и общества, так как речь идет об организации и привлечения к ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступления. В то же время точное понимание особенностей развития деятельности органов предварительного расследования в России в нашей стране возможно только в условиях осознания логики развития фундаментальных основ устройства в течение длительного периода времени. В особенностях исторического развития, отдельных событиях содержатся ответы на наиболее сложные, комплексные вопросы развития системы предварительного расследования в России.

Изучение особенностей развития органов предварительного расследования России производилось большим числом исследователей, в числе которых можно отметить С.А. Шейфера, А.В. Хмелева. В частности, С.А. Шейфер в своих работах связывает этапы развития органов предварительного расследования с основными историческими этапами развития государства: дореволюционный, советский и постсоветский (современный) [1, С. 17-191]. Далее, в свою очередь, А.В. Хмелева посредством изучения архивной документации обращает внимание на отдельные особенности развития органов следствия в виде поступательного процесса, развитие которого началось с момента издания первой редакции Русской правды [2, С. 29-34].

Принципиально иное отношение к изучению данного вопроса избрал Д.О. Серов, в основе идеи которого лежит собственное предложение по периодизации развития органов следствия по принципу ведомственной принадлежности органов следственного аппарата. Таким образом, Д.О. Серовым была предложена следующая модель: 1) вневедомственная; 2) в структуре органов исполнительной власти; 3) в структуре органов прокуратуры; 4) в структуре органов правосудия [3, С. 11].

Помимо указанных выше, в качестве оснований для периодизации можно привести также следующие:

1) количество органов государственной власти, наделенных следственной функцией (моно- и полицентричная модели);

2) характер подследственности (универсальная и специализированная модели).

Следовательно, на основании сказанного, нами могут быть выделены шесть исторических этапов, на протяжении которых можно проследить особенности развития органов предварительного расследования в отечественной истории.

Первый этап (1713 - 1808 гг.) – представляет собой смешанную комплексную полицентричную модель, которая была выстроена на основе сочетания принципа ведомственной организации органов предварительного расследования с вневедомственным принципом.

В результате издания Правительством России Постановления от 27 августа 2013 N 741 был официально установлен профессиональный праздник - День сотрудника органов следствия России.

По мнению Д.О. Серова, в 1713-1725 гг. в России существовали четыре органа, выполнявшие следственные функции: «майорские» розыскные канцелярии (вневедомственная модель организации досудебного следствия), следственные канцелярии Генерал-прокуратуры (прокурорская модель), Розыскная контора Вышнего суда (судебная модель), Камер-коллегия и её территориальные подразделения (административная модель) [4].

Одновременно Пётр I положил начало полицейской системе надзора за общественным порядком и досудебной подготовке полицией материалов дел уголовного характера. В соответствии с его указом от 25 мая 1718 г. № 3203 (Пункты, данные С.Петербургскому Генерал-Полицмейстеру...) [5] в Санкт-Петербурге введена должность Генерал-Полицмейстера. Для поддержания порядка в городе определялись старосты, десятские, караульщики. Нарушителей общественного порядка они должны были «имать и отсылать к их надлежащему суду с их допросами и делом» [5, с. 570].

Именно в этот день, 25 июля, в 1713 году Петром I был издан Именной Указ об учреждении Следственной канцелярии гвардии майора М.И. Волконского. На Следственную канцелярию возлагалось проведение расследования имеющихся злоупотреблений властью чиновниками и представителями власти в пределах Архангелогородской губернии, что было обусловлено важностью данной территории в рамках развития экономики Российского государства в условиях постоянного ведения боевых действий вокруг других портовых городов Российского государства. В последующем по аналогии с данной моделью канцелярии были созданы дополнительные пять подобных учреждений, которые также стали именоваться «майорскими», что стало своеобразной традицией. Таким образом, модели данных канцелярий стали прообразом органов, выполняющих следственную функцию, которая сначала получила организационное оформление, а, в последующем, в результате издания в 1717 году наказа, - и соответствующее процессуальное обособление.

Необходимо отметить, что в данный период времени вместе со следственными канцеляриями, которые учреждались и действовали по вневедомственно-специализированному принципу, функционировали также и иные органы, выполнявшие следственную функцию, в частности, речь идет об органах прокуратуры, судах, полицмейстерских канцеляриях и так далее. В результате издания указа от 22 января 1724 года следственные канцелярии были упразднены, а уголовные дела, которые находились в производстве следственных канцелярий, были переданы для расследования в Сенат и коллегии, что положило конец кратковременному вневедомственному существованию органов следствия на достаточно долгий период времени, так как в последующем и в царский, и в советский периоды органы предварительного расследования продолжали оставаться в подчиненном положении органов прокуратуры, что подчеркивало подведомственный характер органов следствия.

Второй этап (1808 - 1860 гг.) отмечен выстраиванием полицейской модели организации и функционирования органов предварительного расследования, которые были основаны на таких принципах как принцип ведомственности, принцип моноцентричности и принцип универсальности. В соответствии с Указом Александра I Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру от 29 августа 1808 г. в результате потребности по осуществлению производства следствия на территории Санкт-Петербурга была официально учреждена должность следственного пристава, что стало свидетельством постепенного отделения следственной функции от функции

полицейского дознания, которая, в свою очередь, возлагалась на частного пристава. В рамках изданного указа предписывалось, что полицейские чиновники - следственный и частный пристав - организовывали съезжий дом. За следственным и частным приставами были закреплены отдельные аппараты, в составе которых присутствовали помощник, письмоводитель, писцы. Обязанности частного пристава предусматривали: выезд на место происшествия, осмотр, выявление признаков, свидетельствующих о наличии либо отсутствии преступления. В случае, если частный пристав обнаруживал наличие признаков совершения преступления, то в дело вступал следственный пристав, на которого возлагалось последующее расследования преступления и его доведение до органов суда. Следовательно, в данной системе можно отметить наличие определенного функционального разграничения в деятельности следственного и частного пристава, в которой частный пристав проводит предварительную проверочную работу, а собственно деятельности по организации и проведению расследования преступления осуществляется с участием следственного пристава.

Конечно, в данном случае речь идет о создании принципиально новой системы организации и деятельности органов предварительного следствия, в которых проявились первые признаки распределения между отдельными должностными лицами функций предварительного следствия и дознания. Однако в рассматриваемый период времени речь шла только о первых признаках подобного распределения функциональных обязанностей, так как принятое решение по созданию новой системы было ограниченным и недостаточным, поскольку ограничивало значение деятельности частного пристава функциями первичной проверки сообщений о преступлении.

В последующем основной принцип организации регулярного следствия был заложен в статье 767 Свода законов Российской империи 1832 года: «Производство следствия и все меры, к оному относящиеся, принадлежат полиции».

Третий этап (1860 - 1928 гг.) можно охарактеризовать формированием судебной модели организации отечественной системы органов предварительного расследования, которая во многом повторяла принципы, содержащиеся в предыдущей полицейской модели, однако одновременно содержащая смещение следственной функции из органов внутренних дел в органы судебной системы. Что это означало на практике?

Напомним, что во втором этапе развития органов предварительного расследования произошло смещение следственной функции из органов дознания в лице частного пристава в органы следствия в лице следственного пристава.

В 1860 году следственная функция была передана от следственных приставов следователям судебным.

Это было сделано в результате издания Указа Александра II от 8 июня 1860 г., в соответствии с которым произошло учреждение института судебных следователей при уездных судах, а также были введены в действие такие акты как «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». Перечисленные нормативно-правовые акты содержали нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность судебных следователей, вопросы функционального разграничения работы судебных следователей, полиции и органов розыска.

Судебная реформа Александра II привела к формированию в судебной системе Российской Империи принципиально новой категории государственных служащих – судебных следователей, – которым были предоставлены широкий объем социально-правовых гарантий, а также гарантии несменяемости, что автоматически приблизило их к положению иных представителей судебной власти. Таким образом, произошло принципиальное изменение в особенностях осуществления следственной функции, так

как «центр тяжести» перешел в суд, что стало принципиальным нововведением на тот период времени. Что касается отрицательных моментов в данной ситуации, то можно отметить, в частности, что данное положение привело к сближению органов суда и следствия, что теоретически могло бы привести к нежелательному взаимодействию должностных лиц в обход законодательных требований, проявлению отдельных коррупционных проявлений и так далее.

Таким образом, следственная функция была отделена как от полицейской, так и от функции прокурора, что было крайне важно в условиях реформирования отечественной судебной системы. Сенатором и ученым-юристом В.К. Случевский было отмечено следующее по данному вопросу: «О характере внешних взаимных отношений следователя к прокурору следует отметить, что эти органы, будучи носителями самостоятельной и независимой друг от друга власти, устанавливаются по уставам свои взаимные отношения по началу самостоятельности и независимости» [6, С. 311].

Список литературы

1. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. С. 17 – 191.
2. Хмелева А.В. Из истории следственных органов России // История государства и права. 2014. N 17. С. 29 – 34.
3. Серов Д.О. Органы следствия в истории государства и права России // 300 лет следственному аппарату России (1713 - 2013 гг.): Сборник статей об истории следственных органов / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред. Д.О. Серова. М.: СК России, 2014. С. 11.
4. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Том 1. С. 774.
5. Серов Д. О. «Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.
6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. М.: Зерцало, 2008. Ч. 1: Судостроительство.

© У.В. Тахаев, 2019